

Глава 1

Стеллаж князя Борского

Июнь выдался очень жаркий. Даже тут, в старинном каменном охотничьем домике князя Борского, было душно.

— Вот тебе и каникулы со свежим воздухом, — проворчал долговязый Дима.

Он дунул на одну из полок высокого стеллажа, сплошь забитого папками и древними фолиантами. В воздух поднялся столб пыли.

— Совсем от жары крыша поехала? — покрутила пальцем у виска Димина сестра-близнец Маша.

— Да он просто время тянет, — с пыхтением доволоков до стеллажей тяжеленную стремянку Петька.

— Ты что, высоты боишься? — внимательно посмотрела на Диму рыжеволосая Настя.

— Ничего я не боюсь, — буркнул Дима. — Просто в пыли неохота возиться.

— Все равно, кроме тебя, никто не дотянется, — категорическим тоном проговорил Петька.

Стеллажи в охотничьем домике доходили до самого потолка. Потолок же был очень высокий. Только Димка, самый длинный из четверых друзей, мог дотянуться. Поэтому силы решили распределить так. Маша и Настя внизу придерживают на всякий

случай стремянку. Дима лезет на нее и принимается разгружать самую верхнюю полку. Петька, стоя на средней ступеньке, принимает у него связки журналов и папок и спускает их на пол.

— Шатается, сволочь, — с большим недоверием покачал Дима разложенную стремянку.

— Да она тут, наверное, тоже еще со времен князя Борского, — фыркнула Настя.

— Это уж я не знаю, — не был склонен к веселью Дима. — Но то, что она не первой свежести, факт.

— Какая уж первая свежесть, — с бодрым видом заметил Петька. — Того и гляди развалится.

— Очень остроумно, — покосился на старо-го друга недобрый взглядом Дима. — Вот сам бы и лез наверх.

— Я не достану, — развел руками коренастый широкоплечий Петька. — Ладно, не тяни время, — поторопил он Диму. — А то жарница тут жуткая.

— Может быть, подождем погоды попрохладней? — отдувался Дима.

— Бесполезно, — махнула рукой Настя. — Год високосный. Поэтому солнце все время очень активное.

— Полезешь ты или нет? — прикрикнула на брата Маша. — До смерти своим занудством довести можешь!

Димка вздохнул и начал медленно подниматься. Ступени старой стремянки скрипели.

— Да держите вы крепче! — сильно качнувшись где-то на середине пути, крикнул он вниз.

— Не бойся, держим! — заверили Маша и Настя. — Она просто так качается!

— И вообще, — с укором произнес Петька, — Ниночка тут по ней лазает без посторонней помощи. А ты боишься, хотя тебя держат.

— Заткнись! — огрызнулся со стремянки Дима. — Я в этой жизни давно уже ничего не боюсь.

Он бодро устремился ввысь.

— Слушай, ты так не гони, — последовал тут же снизу новый совет. — Действительно ведь свалишься.

— Не угодишь на вас, — проворчал на ходу Димка.

Останавливаться он не собирался. Вот и верхняя ступенька. Диму сильно качнуло.

— Вот черт, как во время землетрясения! — Мальчик с силой ухватился за книжную полку.

— Спокуха, — ответил Петька. — Сейчас я эту развалюху придавлю своим весом.

Он осторожно поднялся до средней ступеньки.

— Теперь лучше? — спросил он Диму.

— Да не сказал бы, — без всякого воодушевления отозвался тот.

— Ладно, плевать, — не стал вести диспут Петька. — Раз уж мы сюда влезли, надо делом заняться. До верхней полки дотягиваешься?

Дима отпустил руки и потянулся вверх. Стремянка немедленно зашаталась.

— Офонарел, что ли? — лишь чудом удержался на своей ступеньке Петька.

— А мне какво? — не без злорадства откликнулся Дима.

Вновь схватившись за стеллаж, он обрел некоторую устойчивость. Петька теперь тоже старался не трепыхаться.

— Вы там держите как следует, — строго предупредил он девочек.

— Ну ее, эту дуру, на фиг, — слышался с высоты голос Димы.

— Ты кого имеешь в виду? — грозно осведомились Маша и Настя.

— Не вас, успокойтесь. Я про стремянку, — внес ясность Дима. — Тут лучше по стеллажу.

Не успел еще Петька ничего сообщить, как Дима быстро перелез со стремянки на стеллаж. Теперь ноги его стояли на полке между каких-то папок.

— Ты чего? — с ужасом проследил за его манипуляциями Петька.

— Гораздо удобнее, — перебрался тем временем, словно по лестнице, на следующую полку стеллажа Дима. — По крайней мере, тут ничего не качается. Полки-то еще княжеские. Фирма!

Едва он успел это проговорить, раздался треск. А затем события развернулись так стремительно, что ребята потом могли их восстановить лишь в самых общих чертах.

Дима вскрикнул. Петька успел заметить, как к потолку взметнулись клубы пыли. И стремянка рухнула вместе с Петькой. Девочки взвизгнули.

Мгновение спустя их голоса заглушил ужасающий грохот. Тут Петьку что-то больно ударило по голове, и он на какое-то время вырубился.

— Эй! Ты в порядке?

Очнулся он от того, что кто-то с силой тряс его за плечо.

Петька открыл глаза. Над ним склонились библиотечарша Ниночка и девочки.

— Где я? — с трудом включился в действительность мальчик.

Он выпростал руки из-под пыльных бумаг. Плечи отозвались тупой болью.

— С лестницы свалился, — ласково объяснила библиотечарша Ниночка. — Полки вдруг рухнули. И с них все на тебя посыпалось.

— Ты так страшно падал, — не моргая взирала на Петьку зеленоглазая рыжая Настя. — Мы испугались, что ты себе кости переломаешь.

— Нет, вроде цел, — пошевелил ногами и руками Петька. — Только плечи побаливают.

— Это от журналов, — подняла Ниночка с пола перетянутую бечевкой связку древних подшивок. — Я как раз подбежала, когда они на тебя сверху упали. Вот ужас-то!

— Ничего. Я крепкий, — уже поднимался на ноги мальчик. — Видимо, в падении инстинктивно сгруппироваться сумел. Не зря же год занимался боевым тайцзицюанем. Вот ты, Димка, на моем месте сейчас уже давно бы разбился вдребезги, — как всегда, подсмеивался Петька над не любовью старого друга к спорту. — Димка, а где ты? — огляделся он и повернулся к девочкам. — Куда Димка смотаться успел?

Маша и Настя с изумлением уставились друг на друга. Падение Петьки до такой степени поглотило их внимание, что напрочь вылетело из головы: Димка-то тоже находился на верхотуре.

— Он ведь как раз на стеллаж карабкался, — поднял голову Петька. — Что? — вдруг вырвался у него сдавленный крик.

Стеллажа больше не было. Там, где он возвышался, сиял белый прямоугольник стены. На полу из нагромождений журналов, папок и каких-то тетрадей торчали доски.

— Г-где Димка? — повторил, заикаясь, Петька.

Впрочем, теперь ответа ему не требовалось. Он принялся лихорадочно разгребать завал. Девочки, плохо соображая от ужаса, помогали ему.

Димку они нашли под кипой журналов. Лицо его было бледно-зеленым. Признаков жизни мальчик не подавал.

— Не дышит, — склонился над другом Петька.

— Господи! — вскрикнула Ниночка.

— Димка! — с истошным воплем рванулась к брату Маша. — Ну чего стоите? — повернулась она к остальным. — Скорую помощь! Быстро!

Ребята и Ниночка, сбивая друг друга с ног, кинулись в соседнюю комнату к телефону. Не успели они, однако, снять трубку, как от разрушенных стеллажей донесся крик Маши. Предчувствуя самое худшее, Петька бросился к ней.

Диму он обнаружил ровно на том же месте. Только тот теперь не лежал, а сидел, вытаращив глаза. Маша зачем-то по-прежнему кричала как резаная. Брат-близнец на нее совершенно не реагировал. Он пытался прийти в себя.

Петька потряс его за плечи. В Димке словно что-то включилось, и он жутко сварливым голосом произнес:

— Говорил же: не надо было сегодня лезть.

— Тебе лучше вообще в такие дела не соваться, — отыгрывалась за доставленное волнение Маша. — Типичный Терминатор.

Терминатором трое друзей прозвали долговязого светловолосого Димку за то, что он вечно куда-то проваливался или что-нибудь сшибал на своем пути.

— На себя посмотри, — сердито ответил Димка сестре и поднялся на ноги. — Черт! Как болит! — потер он левую ягодицу.

— Скажи спасибо, что жив остался, — назидательно проговорил Петька. — Просили тебя книжные полки использовать в качестве лестницы? Им же сто лет в обед. Уж если такое проделывать, то не с твоей ловкостью. И меня едва не угробил.

— Мне больше досталось, — не согласился с такой постановкой вопроса Дима.

— Димка! Живой! — услышав его голос, прибежали из соседней комнаты Настя и Ниночка.

До скорой помощи они так и не дозвонились. Там было занято.

— Вы уж меня простите, ребята, — виновато проговорила Ниночка. — Если бы я заранее знала... Пусть бы этот архив еще сто лет валялся неразобранном.

— Нет уж. Теперь мы его разберем, — произнес Дима с упорством воина, получившего первое боевое крещение.

— Да в том-то и дело, что надо, — не стала отговаривать Ниночка. — Вдруг действительно родственники нагрянут...

— И потом, теперь уж действительно так все не бросишь, — посмотрели девочки на заваленный закуток.

— Слушай, Ниночка, тут окошко открыть нельзя? Ребята задыхались от жары.

— Ой, сама удивляюсь, какая жара, — заторопилась библиотекарша. — Всегда тут прохлада. А сейчас дышать нечем.

— Год високосный. Солнце активное, — повторил Дима слова Насти.

— Окно-то вообще тут есть, — показала влево от закутка Ниночка. — Только удастся ли отпереть? Я его сроду не открывала.

— Это мы можем, — бодро направился к окну Петька.

— Командор он и есть Командор, — вспомнила Петькину детективную кличку Настя.

Окно было покрашено несколькими слоями краски. Шпингалеты не поддались.

— По-моему, его еще князь Борский в последний раз открывал, — усмехнулась Маша.

— Ниночка! Молоток есть? — крикнул Петька.

— Сейчас, ребята!

Ниночка повозилась на нижней полке одного из многочисленных шкафов и принесла ребятам увесистый молоток. Петька в темпе открыл шпингалеты. Однако окно и после этого сопротивлялось.

— Димка, беги на улицу. Толкнешь снаружи! — распорядился Петька.

— Ты просить его еще о чем-то сегодня решаешься? — посмотрела на Командора, словно на ненормального, Маша. — Учти, если у Димки так на-

чался день, ничего хорошего от него ждать нельзя. В лучшем случае еще куда-то втешется, а в худшем — вообще все на воздух взлетим вместе с библиотекой.

— Сапер ошибается только один раз, — весьма некстати употребил известную поговорку Дима и, прихрамывая после недавно постигшей его катастрофы, вышел на улицу.

Вскоре Петька тянул изо всех сил за ручку, а Дима толкал окно снаружи. Сперва дело шло не особо успешно. Затем ситуация резко изменилась. Это было ознаменовано целым рядом бурных телодвижений. Петька, отлетев от окна, плюхнулся на все ту же кипу разнообразной литературы, валявшейся в закутке. Дима, напротив, не вылетел, а влетел в распахнутое окно и вновь оказался в библиотеке. При этом он получил еще несколько незначительных ушибов и ссадин.

— Я считаю, на сегодня физических упражнений с меня достаточно, — поднимаясь с пола, проворчал он.

— Молодцы какие! Окно открыли! — восторженно воскликнула Ниночка.

— Еще одно такое окно — и я вообще навсегда тут останусь, — не разделил ее радости Дима.

— Ладно, ребята, — начала собирать папки в стопку Настя. — Давайте за дело.

Остальные кинулись ей помогать. Одна из папок рассыпалась прямо в руках у Насти. На пол полетели толстые тетради. Девочка наклонилась, чтобы их подобрать, а Петька кинулся за каким-то листком, который вылетел из тетрадки.

— Слушайте! Тут, похоже, дневник, — открыла одну из тетрадей Настя. — Ну-ка, — перелистнула она страницы. — Ой! Тут написано: «Юрий Борский».

— А это что в таком случае? — разглядывал выпавший из тетради лист Командор.

Друзья подошли. На листке, который держал Петька, был старательно вычерчен черными чернилами или тушью план.

— По-моему, что-то знакомое, — пригляделась к плану Маша.

— Вот и мне так кажется, — пробормотал Петька. — Это парк. А вон там, — ткнул он в другую часть плана, — часовня. И кладбище рядом. А вот пруды. Ребята, — понизил голос мальчик, — это же план имения Борских.

— Опять Борские, — прошептала Настя. — Чувствую, что тут снова какая-то тайна.

— По-моему, тоже, — не отрывал глаз от плана Петька. — Смотрите. Тут значки какие-то. — Он принялся водить указательным пальцем по плану.

Остальные пригляделись. На пожелтевшей бумаге во многих местах и впрямь виднелись едва различимые крестики.

— Значит, план этот лежал среди дневников князя Борского? — У Насти заблестели глаза.

— Именно, — подтвердил Командор.

— Ребята! Как у вас там дела? — крикнула из соседней комнаты Ниночка.

— Нормально, — дружным хором отозвались те. — Разбираемся.

— Знаете что, — посмотрел на друзей Петька. — Нужно нам эту папку ко мне на дачу за-

братъ, и план тоже. Наверняка мы тут что-нибудь найдем.

— Давайте попросим у Ниночки, — предложила Настя. — Она разрешит.

Библиотекарша Ниночка и впрямь хорошо относилась ко всем четверым. Особенно к Петьке. Он чуть ли не с семи лет, едва появляясь на даче, наведывался в библиотеку и за каждые каникулы поглощал кучи книг.

— Разрешить-то она разрешит, — кивнул Петька. — Но я не хочу внимание привлекать. Лучше посмотрим, а потом тихо назад вернем. Я папку оставлю на подоконнике. Потом мы Ниночке скажем, что нам надо домой. Выйдем, папку возьмем с подоконника — и ко мне на дачу.

Разобрав завал на полу, они распрощались с Ниночкой до завтра. Она была очень благодарна, что ребята согласились разобрать княжеский архив, до которого уже много лет ни у кого не доходили руки. Сперва его инвентаризацией собиралась заняться прежняя библиотекарша. Затем она состарилась и ушла на покой. Но и Ниночка, принявшая у нее должность, так пока и не нашла времени для покрытых вековой пылью связок. Теперь ждать было больше нельзя. В Москву, по слухам, прибыли на конгресс старинных дворянских родов потомки Борских. Вполне вероятно, они захотят посетить бывшие подмосковные владения своего предка. И тогда будет очень неловко, если архив князя Борского окажется в беспорядке. Вот Ниночка и обратилась за помощью к четверым друзьям, которые только позавчера съехали из города на летние каникулы.

— Куда? На дачу или в шалаш? — открывая калитку Петькиной дачи, спросил Дима.

— В шалаш, разумеется, — отвечал Командор. — Зря мы, что ли, вчера целый день приводили в порядок наш летний штаб.

Миновав дом, друзья углубились в дебри огромного участка, где их собственными руками был возведен уютный и просторный шалаш.

— Давай сюда папку, — потребовал Петька, когда все расселись на новеньком пледе, который Дима и Маша позаимствовали прошлым летом у своей бабушки Анны Константиновны.

Та, впрочем, об этом до сих пор не знала. Она пользовалась старым пледом. А запасной, провалявшись несколько лет без дела в шкафу, переехал в шалаш.

— Держи, — протянула Настя папку.

Петька внимательно ее оглядел. Мраморная бумага. Корешки и уголки из натуральной кожи с потускневшим от времени золотым тиснением.

— Точно старинная, — пробормотал Командор.

Внутри, кроме плана, лежало пять толстых тетрадей. Петька раскрыл одну из них.

На первой странице значилось: «21 мая 1892 года. Дневник кн. Юрия Борского, начатый в четырнадцатую годовщину жизни».

— Ого! Вы глядите! — воскликнул Петька.

Подвинувшись к Командору поближе, ребята склонились над дневником юного князя.

— Просто какая-то мистика, — прошептала Настя.

— Я пока мистики не вижу, — возразила Маша.

— Ну и зря, — ответила рыжая девочка. — Сегодня же третье июня. И вдруг именно в этот день к нам попадает дневник князя Борского.

— Ну и что? — пожал плечами Димка.

— А то, что по старому стилю сегодня именно двадцать первое мая, — ответила Настя.

В шалаше воцарилась полная тишина.

— Обалдеть, — наконец медленно произнес Петька.

— Да ну вас, — хмыкнула Маша. — Обыкновенное совпадение.

— Не слишком ли много совпадений? — с загадочным видом проговорил Петька. — Вы еще на одну деталь не обратили внимания.

— На что тут еще внимание обращать? — по-прежнему удивлялась Маша.

— Да князю же было, как нам, четырнадцать, когда он этот дневник начал.

— Ничего себе, — вытянулось от удивления лицо у Димки. — Давайте посмотрим, что там еще.

Каждый взял по тетради. Продираясь сквозь старую орфографию и причудливый почерк, ребята пытались найти хоть что-нибудь для себя интересное. Насте попало описание гимназических будней. Маша читала про поездку семейства Борских под Тамбов к старой тетушке и охоту в рождественские праздники. Дима, измученный витиеватым почерком юного князя и бесконечными ятями, просто листал страницы в надежде найти что-нибудь интересное. Петьке досталась наиболее романтическая часть дневника. В ней четырнадцатилетний князь Борский исповедовался

в тайной и безответной любви к прекрасной дочери соседнего помещика Дехтярева.

— Полная ерунда! — почти дойдя до конца тетради, сказал Петька.

— А о чем там? — полюбопытствовала Настя.

— Да все про любовь, и ни слова о плане, — объяснил Командор.

— Как про любовь? — рванула к себе тетрадь Настя. — Дай сюда! Это же самое интересное!

— погоди, — осадил ее Командор. — Вот дождь до конца — и можешь сколько угодно этот дореволюционный любовный сериал читать.

Он, скорее для порядка, чем в надежде что-либо отыскать, перевернул еще несколько страниц.

— Подождите-ка! — вдруг крикнул Петька. — вроде тут что-то есть. — Он снова умолк и уткнулся в тетрадь.

— Ну? — посмотрел на него выжидающе Димка.

— Сейчас. Не мешай, — бросил в ответ Командор. — Вот. Слушайте: «Старый лакей наш Федор со мною сегодня разоткровенничался. Из его слов я вынужден заключить, что дед мой, кн. Михаил Петрович, коего я уж и не помню, постоянно боялся разбойников. При нем под усадьбой велись крупные земельные работы. Прорыли целые лабиринты подземных ходов. Федор даже мне план пожертвовал. По его словам, раньше все доверенные люди моего деда подобные планы имели. А теперь лишь у Федора сохранился. На всякий случай я его тут подклеиваю. Кстати, с одним из подземных ходов в нашем имении связана страшная тайна. Она

до сей поры не раскрыта. Но об этом после. Сейчас меня призывают в комнаты матушки».

Петька остановился.

— Чего замолк? Давай дальше! — пожирали его глазами друзья.

— Не могу, — развел тот руками. — Дневник кончился.

— Иди врать, — кинулись к тетради ребята.

Петька, однако, не врал. В толстой тетради оставалось еще несколько чистых страниц. Но юный князь Борский записей почему-то больше не сделал.

— Надо завтра все эти бумаженции со стеллажа перерыть, — сказал Петька. — Вдруг продолжение дневника найдем.

Друзья молча кивнули. Всем четверым было ясно одно: Тайное братство кленового листа вновь начинает работу.